

КУЛЬТУРЫ, НАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ «ПОЛИТИЧЕСКОГО АНТАГОНИЗМА И НЕРАВЕНСТВА»

Е.П. Дробышева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления

konstrukt77@gmail.com

Данная статья знакомит с концепцией одного из наиболее влиятельных современных теоретиков, директора Центра гуманитарных исследований Гарвардского университета, Хоми К. Бхабха. Бхабха предлагает свою теоретическую модель, описывающую непрерывный процесс становления взаимоотношений культур, находящихся в условиях неизбежного политического неравенства.

Ключевые слова: постколониальная теория, культура, ориентализм, колониальный субъект, власть, дискурс.

Культура как гибрид

В одной из своих работ, посвященных современной культуре, Бхабха обращается к сделанному Т.С. Элиотом замечанию о некой несоизмеримости (*incommensurability*), с которой мы сталкиваемся, когда описываем культуру. Эта несоизмеримость связана с тем, что культура никогда не бывает цельной, чистой. Любая культура, как утверждает вслед за Элиотом Х. Бхабха, это всегда сложное соединение разнородных частей, культурный гибрид, обладающий тем, что можно назвать культурным «многоголосьем». Механизм подавления культурного многоголосья, проведения культурных границ и становления «целостных» культур и конструирования на их основе национальной идентичности становится предметом интереса Бхабха. Доминирующие в настоящее время понимание и описание культур игнорируют отмеченную Элиотом несоизмеримость. Тогда как Бхабха предлагает такой способ описания, который ее учиты-

вает и помогает понять сложный непрерывный процесс конституирования культур. Описание концепции Бхабха мы начнем с его анализа колониальной ситуации как варианта отношений, существующих в условиях явно выраженного «политического антагонизма и неравенства»¹. Рассмотрение колониальной ситуации поможет нам увидеть то, что в более или менее явной форме присуще любой культуре.

Исследования колониальных отношений имеют не столь давнюю, но достаточно богатую традицию. В связи с концепцией Бхабха нам стоит упомянуть двух авторов, чьи работы оказали огромное влияние на все последующие поколения исследователей и, в частности, нашли свое отражение в концепции Бхабха. Речь идет о работах Ф. Фанона и Эдварда Саида. Франц Фанон, считающийся основателем постколониальной теории, исследовал

¹ Bhabha, H. Culture's in-between // Questions of Cultural Identity / ed. by Stuart Hall and Paul du Gay. – London : SAGE, 2008. – P. 58.

сознание колониального субъекта, испытывающего не только экономическое, политическое и социальное т.е. «внешнее» подчинение, но и значительное воздействие на собственную идентичность. Фанон анализировал то, как материальные обстоятельства создают чувство расового и культурного превосходства, а вместе с ними и чувство неполноценности. В своем исследовании колониального неравенства и возможности сопротивления Фанон показал особую роль языка в процессе подчинения и акцентировал значимость культуры и истории в процессе сопротивления и освобождения от подчинения².

Процесс формирования колониального сознания стал предметом внимания и Эдварда Саида. Его книга «Ориентализм», опубликованная в 1978 г., оказала огромное влияние на всю ориенталистику, на постколониальные исследования и на социальную теорию в целом. Опираясь на работы Фуко, Саид предложил такую концепцию культуры, которая делает акцент на тенденции доминантных форм (словесных формул, правил поведения), может присваивать себе или подавлять и, таким образом, контролировать существующие практики. В своей работе «Ориентализм» Саид критически анализирует западный конструкт «восточной» (oriental) культуры, предлагаемый под видом академического знания. Он показывает, что представление о чужой культуре, воплощенное в Ориентализме, на самом деле, лишь средство определения-описания и, таким образом, средство контроля над этой культурой. Описывая и определяя «Восток» (the 'Oriental') как радикальную противополо-

жность Западу (рациональное – иррациональное, светлое – темное) Ориентализм формирует дискурс, посредством которого европейская культура определяет себя и формирует свою позицию превосходства по отношению к «другому».³

Саид и Бхабха

Отталкиваясь от рассуждений Саида, Бхабха продолжает анализ колониального дискурса как «механизма, который производит распознавание (recognition) и отрицание (disavowal) расовых/культурных/исторических различий»⁴. Оба автора, работая в фуккианской традиции, утверждают, что этот механизм действует посредством производства знаний о колонизаторе и колонизованном. Бхабха подчеркивает значимость утверждения Саида, что в колониальном дискурсе имеет место не просто ошибочное или неправильное распознавание, а сложный механизм, который «создавая подчиненного субъекта захватывает, направляет и доминирует в разных сферах его действия». Таким образом, утверждает вслед за Саидом Бхабха, колониальный дискурс производит подчиненного субъекта как социальную реальность. Этот субъект одновременно представляется и как «Другой», и в то же время совершенно понятный и видимый⁵. Бхабха отмечает, что Эдвард Саид занимается разработкой семиотики Ориентализма именно для того, чтобы «проникнуть» (intervene) в систему колониальных репрезентаций. Он исследует разные европейские дискурсы, конструирующие «Восток» (the 'Orient') как некое единое расовое, географическое, политическое и культурное пространство⁶. Ключевая работа Саи-

³ Cultural theory: the key thinkers. – P. 205–206.

⁴ Bhabha, H. The Location of Culture. – London; New York: Routledge, 1994. – P. 70.

⁵ Bhabha, H. The Location of Culture. – P. 71.

⁶ Bhabha, H. The Location of Culture. – P. 71.

² Regrag, N. Frantz Fanon in: Cultural theory: the key thinkers / ed. by Peter Sedgwick & Andrew Edgar. – London ; New York: Routledge, 2002. – P. 70.

да «Ориентализм» рассматривает, как дискурсивно формируются концепт «Востока» как подчиненный, как противоположность «Западу». В своей работе Саид только подмечает особенность, которая станет отправным пунктом размышлений Бхабха, а именно двойственностью Ориентализма. Бхабха дает ему свою интерпретацию, значительно усиливая его важность в системе производства отношений. «С одной стороны, ориентализм это знание, т.е. предмет изучения и исследования; с другой, это то, что соотносится с областью фантазий, образов, мифов и увлечений. Это и статичная система «синхронного эссенциализма», наука о «знаках стабильности» подобная лексикографическому или энциклопедическому знанию. И в то же время эта составляющая ориентализма все время подвергается опасности со стороны диахронических форм, таких как история и нарратив, представляющих собой знаки нестабильности. В конечном итоге такой ход размышлений приводит нас к работе, подобной той, что проделывается в психоанализе со снами. Саид, явным образом, говорит о необходимости делать различие с одной стороны между «бессознательной позитивностью», которую он называет латентным Ориентализмом и с другой стороны Ориентализмом явным, декларативным»⁷.

Для Саида использование психоаналитических терминов «латентный», «декларативный» при описании дискурса вовсе не было существенным. Тогда как Бхабха, комментируя работы Саида и объясняя значимость его вклада, делает на них особый акцент. Развивая далее идею Саида, он обращается к лаканистской концепции субъекта. Таким образом, опираясь на обнаруженную Саидом двойственность как свойство колониального дискурса, Бхабха избегает того, что считает «историческим и теоретическим упрощением», имеющим место

⁷ Bhabha, H. The Location of Culture. – P. 71.

в работе Саида⁸. Если для Саида колониальная власть и колониальный дискурс находятся под полным контролем колонизатора, то для Бхабха они строятся на этих более сложных отношениях взаимозависимости. Здесь, как вслед за Фаномом утверждает Бхабха, имеет место не одностороннее навязывание, а отношения, в которых не только колонизаторы, но и колонизованные являются активными агентами. При этом колонизаторы, хоть и занимают доминирующую позицию, но всегда обременены постоянным чувством неуверенности и тревоги. Для описания сложных колониальных отношений, представляющих собой частный случай отношений доминирования и подчинения, Бхабха обращается к теории субъекта Жака Лакана.

Расщепление субъекта и фиксация субъекта в дискурсе

Лакан понимает субъект как бесконечно незавершенную структуру, постоянно стремящуюся к целостности и единству. Его теория базируется на анализе поведения младенца, который не осознает себя отдельным субъектом, а живет в неразрывной связи с матерью окружающим миром. Постепенно отдаляясь от матери, ребенок тем не менее сохраняет память об этом единстве. Он начинает осознавать себя как личность, идентифицируя себя с кем-нибудь вне себя, т.е. с представленными в дискурсе образами-означающими того, «кто он есть» и «кем ему необходимо себя считать». Ребенок принимает эти образы, но постоянно чувствует, что он не совсем им соответствует, поэтому образы являются одновременно основой и идентификации и отчуждения. Образы, которые приходят извне и которые человек принимает постоянно, сравнива-

⁸ Bhabha, H. The Other Question. – London and New-York: Routledge, 1983. – P. 315.

ются с младенческим чувством целостности. Но они никогда не соответствуют этому чувству. Поэтому субъект всегда «расщеплен», он функционирует в поле циркуляции образов-означающих, одновременно маркирующих его социальную функцию и место и манифестирующих его бессознательное. Процесс взросления сопряжен с попыткой остановить циркуляцию образов-означающих, чтобы добиться стабильности собственного «Я». Эта попытка стабилизации основана на желании вернуться к утраченному единству (в частности с матерью), но она недостижима, и целостность субъекта, таким образом, не более чем иллюзия, фикция или, используя термин Лакана, миф. Лакан настаивает на «радикальной расщепленности субъекта, которую субъект всегда пытается преодолеть». Таким образом, концепция Лакана наделяет субъекта «движущей силой», поскольку он постоянно пытается «найти себя посредством присутствия в различных дискурсах». Идентичность для Лакана является эквивалентом идентификации с чем-то и это «что-то» – это предлагаемые дискурсами позиции субъекта.

Лакановские анализ беспокойства и стремление к утраченному единству используются Бхабха для описания отношений колонизатор–колонизированный, а они в свою очередь представляют частный случай отношений доминирующий–доминируемый. Колонизатор утверждает свое доминирующее положение посредством колониального дискурса, который находит свое воплощение в том, что Саид называет «Ориентализмом». Таким образом, колонизированный описывается и определяется как Другой и противопоставляется колонизатору, через бинарные оппозиции колониального дискурса (свой–другой, цивилизованный–дикий, белый–черный, чистый–грязный и т.д.) Такое описание посредством бинарных оппозиций обосно-

вывает доминирующее положение колонизатора.

Бхабха применяет к предложенному Саидом описанию колониального дискурса лакановскую схему субъекта, которая позволяет показать не только как конструируется концепт «Востока», но и процесс конструирования концепта «Запада». Он демонстрирует, как колониальные отношения выстраиваются из нарциссического «Я» (self) колонизатора. То, что это «Я» принципиально не обладает целостностью, становится причиной постоянной тревоги (anxiety). Колонизатор агрессивно утверждает свое превосходство над колонизованным, но он всегда обеспокоен в отношении собственной идентичности, которая никогда не стабильна в достаточной мере. Бхабха, вслед за Лаканом, утверждает расщепленность колониального субъекта. Этот ставший основой всей системы колониального знания субъект, с его стремлением к навсегда утраченной целостности, с его расщепленностью и беспокойством, делает колониальный дискурс и всю систему колониальных отношений амбивалентными.

Обращаясь к лакановской трактовке теории фиксации Фрейда, Бхабха показывает, что в колониальном дискурсе имеет место не простое упрощение как неверная репрезентация реальности, а упрощение, основанное на фиксировании формы репрезентации отрицающей игру различий, «что создает проблему для репрезентаций субъекта в обозначении его психических и социальных отношений»⁹. «Он (механизм, который распознает или отрицает расовые/культурные/исторические различия) ищет возможность для авторизации своей стратегии посредством производства знания о колонизованном и колонизаторе, которые всегда стереотипичны и противопоставлены. Цель колониального дискурса – дать та-

⁹ Bhabha, H. The Location of Culture. 1994. – P. 75.

кое описание колонизованных, которое бы базировалось на расовом происхождении, для того, чтобы оправдать и установить систему контроля и администрирования»¹⁰. Таким образом, утверждает Бхабха, с одной стороны субъект, будь то колонизатор или колонизованный, расщеплен репрезентующими его дискурсами, с другой стороны доминирующий колониальный дискурс пытается зафиксировать идентичности, представляя их как стабильные и отрицает возможность их изменения.

Предложенная Лаконом схема дает Бхабха возможность продемонстрировать еще один аспект колониальных отношений, который в еще в 1960-х годах был акцентирован Фаноном, но остался в стороне от внимания Саида, – неизменно присутствующее сопротивление колониальному дискурсу. Если колониальный дискурс стремится зафиксировать идентичности, обосновав, таким образом, колониальные завоевания и подчиненное положение колонизованных, то колонизованный стремится переопределить эту фиксацию. Описывая стратегию колонизованного, Бхабха использует терминологию Лакана и Деррида. «Колонизованный использует мимикрию, стратегию уловок (*doubling*) и повторений (*repetition*), что дает возможность подчиненному населению сопротивляться колониальной власти»¹¹. Бхабха отмечает, что Саид в своих работах обратил внимание на «напряжение между синхронным и диахронным видением в колониальном дискурсе, между идеей, что объекты одновременно остаются сами собой (*eternally the same*) и в то же время постоянно изменяются»¹². Эта мимикрия, как считает Бхабха, «репрезентует иронический компромисс между синхронным и

диахронным, что и делает колониальный дискурс амбивалентным»¹³.

Амбивалентность колониального дискурса, как и любого дискурса власти, становится центральным пунктом понимания процесса становления отношений «в условиях политического антагонизма или неравенства»¹⁴. Опираясь на теоретические построения Лакана, Бхабха анализирует отмеченное Саидом свойство колониального дискурса.

Амбивалентность, которую Саид обнаружил в колониальном дискурсе, самым непосредственным образом связана с особым восприятием времени. Этому концепту времени свойственно представление о линейном поступательном движении истории, из которого выводится идея прогресса и существование неких универсальных законов развития. Он обуславливает то, что все частные культуры полагаются размещенными на некой воображаемой плоскости, в свою очередь обеспечивая «горизонтальное» восприятие общества как неравного, поскольку культуры вписываются в систему бинарных оппозиций, задаваемых историцизмом: центр–периферия, цивилизованность–отсталость и т.д.

Бхабха противопоставляет историчистскому концепту времени собственный концепт темпоральности, посредством которого он описывает, как в дискурсе конституируются культуры, нации и идентичности. Делая это, Бхабха опирается на вышеописанную лакановскую схему, утверждающую активный характер субъекта, находящегося в постоянном процессе конструирования себя из предлагаемых дискурсами репрезентаций. Обращение к концепции Лакана с ее акцентом на влияние языка, на «*the self*» дает возможность обратить внимание на процессуальную

¹⁰ Bhabha, H. *The Location of Culture*. 1994. – P.71.

¹¹ Bhabha, H. *The Location of Culture*. 1994. – P. 86.

¹² Bhabha, H. *DessemiNation: time, narrative, and margins of the modern nation*. In: *Nation and Narration*. – London and New-York: Routledge, 1990. – P. 55.

¹³ Bhabha, H. *The Location of Culture*. 1994. – P.86.

¹⁴ *Questions of Cultural Identity*. 2008. – P. 58.

сторону, на процесс производства культуры, нации и идентичности¹⁵.

Педагогическое и перформативное

Говорить о нации как общности так, как это делают историцисты, по мнению Бхабха, можно лишь в метафорическом смысле, учитывая неопределенность границ, гибридный характер культуры. Отказываясь от историцистского времени, Бхабха настаивает на необходимости «удвоения в написании» нации. Нация должна пониматься и как непрерывный процесс производства «нации» и, в то же время, как уже сложившееся культурное образование. С одной стороны, нация – это «субъект» процесса означения, создающий национальный нарратив, постоянно превращающий «обрывки, заплатки и лоскутки повседневной жизни в символы национальной культуры». С другой стороны, это «объект» описания, действующее лицо национального нарратива. Будучи «объектом» собственного национального нарратива, нация проживает свою собственную локальность в свойственной только ей темпоральности, которая не совпадает с единым историцистским временем общей культуры.

Историки, фиксированные на событиях или истоках нации, пишет Бхабха, никогда не спрашивают, так же как и политологи, одержимые «современными» тотальностями (народ, раса, класс, гендер)... никогда не задают неловкий вопрос об альтернативной репрезентации нации как темпotalного процесса¹⁶. Предлагаемый Бхабха учет «темпоральности репрезентации», «удвоение в описании» (нация, колонизатор, колонизованный как субъекты процесса

конституирования и объекты собственного нарратива) позволяет нам видеть, как происходит «расщепление» субъекта, репрезентированного в дискурсах. Так, национальный субъект, подобно лакановскому субъекту, пытается остановить циркуляцию образозначающих нацию и культуру, добиться стабильности культурных и национальных границ, достичь единства. Ни единство, ни фиксация позиции не представляются возможными, но становятся лишь процессом и целью. Бхабха обращает особое внимание на принципиально различные позиции доминирующей культуры и культурного меньшинства, тщательно исследованного им при рассмотрении отношений колонизатор–колонизованный. В условиях неравенства культуры находятся в постоянной борьбе за то, что Фуко назвал правом собственности на дискурс, т.е. правом обладать компетенцией, правом на узаконенный и непосредственный доступ к «корпусу уже сформулированных высказываний». Оно неравным образом распределено между социальными группами¹⁷ и не основывается на постоянстве традиции, но использует ее ресурсы для того, чтобы каждый раз фиксировать или переопределять свою позицию. В силу маргинального положения, определенного внешним доминирующим дискурсом, культурное меньшинство ведет постоянную борьбу, пытаясь «авторизовать культурные гибриды»¹⁸, переопределить свою позицию и утверждать свое «право» наделять значениями, в том числе право определять культурные границы. Тогда как доминирующее большинство, ссылаясь на традиции, пытается удержать и закрепить свое доминирующее положение. Таким образом, культурные границы никогда не фиксированы, они, так же как и культур-

¹⁵ Huddart, D. Homi K. Bhabha. – London; New York: Routledge, 2006. – P.28.

¹⁶ Nation and Narration. 1990. – P. 294.

¹⁷ Fairclough, N. Discourse and Social Change. – Cambridge, 2002. – P. 68.

¹⁸ Huddart, D. Homi K. Bhabha. – London; New York: Routledge, 2006. – P. 72.

ные идентичности, определяются и переопределяются в борьбе дискурсов.

Признание «краха определенности, неустойчивости репрезентаций дискурса и, как следствие, расщепленности субъекта» позволяет нам понять, **как** конституируются нации и культуры в борьбе «групп интересов и социальных движений», постоянно утверждающих и пере-утверждающих культурные границы и идентичности, создающих и пере-создающих традиции¹⁹. Отказавшись от концепта «чистой» культуры и «подлинной» идентичности, мы получаем возможности иного видения сложных взаимоотношений культур, до сих пор доминирующего в культурной компаративистике. В его концепции «подлинность» лишь средство, помогающее зафиксировать идентичность, обозначить культурные границы.

Но наиболее значимым следствием такого теоретического пересмотра является появившаяся возможность изменить не только язык описания, позволяющий увидеть работу механизма отношений власти, но и изменить саму базу для выстраивания этих отношений.

¹⁹ Questions of Cultural Identity. 2008. – P. 59.

Литература

Деррида, Ж. Диссеминация / Ж. Деррида; пер. Д. Кралечкина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 608 с.

Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. под общ. ред. Б. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

Bhabha, H. Culture's in-between / H. Bhabha // Questions of Cultural Identity / ed. by Stuart Hall, Paul du Gay. – London: SAGE, 2008. – P. 53–60

Bhabha, H. The Location of Culture / H. Bhabha. – London; New-York: Routledge, 1994. – 285 p.

Bhabha, H. The Other Question: the Stereotype and Colonial Discourse / H. Bhabha // The Sexual Subject: a Screen Reader in Sexuality / ed. John Caughie, Annette Kuhn. – London: Routledge, 1992. – P. 312–331.

Bhabha, H. DessemiNation: time, narrative, and margins of the modern nation / H. Bhabha // Nation and Narration. – London; New-York: Routledge, 1990. – P. 291–231.

Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge, 2002. – 260 p.

Huddart, D. Bhabha / D. Huddart, K. Homi. – London; New-York: Routledge. 2006. – 142 p.

Regrag, N. Frantz Fanon / N. Regrag // Cultural theory: the key thinkers / ed. by Peter Sedgwick & Andrew Edgar. – London; New York: Routledge, 2002. – P. 69–71.